

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе гражданина Тищенко Константина Михайловича на нарушение его конституционных прав положением части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»

город Санкт-Петербург

28 июня 2012 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи В.Г.Ярославцева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина К.М.Тищенко,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин К.М.Тищенко оспаривает конституционность положения части 1 статьи 1 Федерального закона от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», в соответствии с

которым такие участники уголовного судопроизводства, как потерпевшие, при нарушении их права на судопроизводство в разумный срок могут обратиться в суд с заявлением о присуждении соответствующей компенсации в порядке, установленном данным Федеральным законом и процессуальным законодательством Российской Федерации.

Как следует из представленных материалов, К.М.Тищенко 22 апреля 2009 года обратился в Кузьминскую межрайонную прокуратуру города Москвы с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении судебного пристава-исполнителя отдела судебных приставов по Юго-Восточному административному округу Управления Федеральной службы судебных приставов по городу Москве: по мнению заявителя, судебный пристав-исполнитель совершил должностной подлог, а именно внес сведения об отсутствии у должника имущества в акт о невозможности взыскания долга по исполнительному листу, по которому К.М.Тищенко был взыскателем. Заявление было передано в соответствующий отдел Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, а 25 мая 2009 года – направлено в Управление Федеральной службы судебных приставов по городу Москве для проведения служебной проверки.

12 декабря 2009 года К.М.Тищенко вновь обратился в органы прокуратуры с требованием принять меры прокурорского реагирования по его первоначальному обращению. 27 февраля 2010 года ему было сообщено, что по его обращению направлен запрос в следственные органы, однако ответ на него не получен.

Постановлением судьи Кузьминского районного суда города Москвы от 13 мая 2010 года в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации, была удовлетворена жалоба К.М.Тищенко о признании незаконным и необоснованным бездействия руководителя следственного органа, выразившегося в непринятии предусмотренного статьей 145 УПК Российской Федерации решения в сроки, установленные статьей 144 данного Кодекса.

В связи с тем, что уголовно-процессуальное решение по его заявлению о преступлении так и не было вынесено, К.М.Тищенко обратился в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок. Данное заявление определением судьи Московского городского суда от 23 ноября 2010 года было ему возвращено на том основании, что К.М.Тищенко еще не приобрел статус потерпевшего, т.е. лица, наделенного правом обращаться с подобными заявлениями. Это определение оставлено без изменения определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года, в котором со ссылкой на оспариваемую норму указано, что нарушение сроков возбуждения уголовного дела не включено законодателем в перечень оснований для возникновения права на компенсацию за нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства. Аналогичные выводы были сделаны и судом надзорной инстанции.

По мнению заявителя, оспариваемые им законоположения не соответствуют статье 52 Конституции Российской Федерации в той части, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, ограничивают право пострадавшего от преступления на присуждение компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок в случае, если по его заявлению уголовное дело не было возбуждено и он не приобрел формальный статус потерпевшего.

2. Обеспечение права каждого на справедливое судебное разбирательство его дела в разумный срок является неотъемлемой составляющей гарантированного Конституцией Российской Федерации (статья 46, части 1 и 2) права на судебную защиту, которое по смыслу статей 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 15, 17–19 и 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека, выступает гарантией всех других прав и свобод и предполагает эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и обеспечивающего охрану прав и свобод человека и гражданина от произвола властей. Как указал Конституционный

Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 июля 2011 года № 17-П, требование разумного срока судебного разбирательства отражает важнейший общественный запрос на эффективное и рациональное правосудие, одним из основных показателей которого является своевременность разрешения дел.

В соответствии со статьей 52 Конституции Российской Федерации права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Приведенным конституционным нормам корреспондируют положения Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью № 40/34 (принята Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года), предусматривающие, что лица, которым был причинен вред в результате действия, нарушающего национальные уголовные законы («жертвы»), имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством; при этом судебные и административные процедуры в большей степени должны отвечать их потребностям (пункты 1, 4, 6 и 8).

Реализация указанных прав потерпевшего осуществляется, в частности, посредством использования механизмов уголовно-процессуального регулирования, предполагающих обязанность органов предварительного расследования при выявлении признаков преступления возбуждать уголовные дела, осуществлять от имени государства уголовное преследование по делам публичного и частно-публичного обвинения, обеспечивая тем самым неотвратимость ответственности виновных лиц и защиту прав лиц, пострадавших от преступлений. Невыполнение или ненадлежащее выполнение данной обязанности, выражающееся в том числе в длительном затягивании решения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, в неоднократных прерывании и возобновлении проверки по заявлению о преступлении, приводит к нарушению разумного срока рассмотрения дела и ограничению доступа

потерпевших к правосудию (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 года № 425-О).

При этом лицо, обратившееся с требованием возбудить уголовное дело, не может быть лишено права на судебную защиту и на доступ к правосудию без неоправданной задержки по тому основанию, что оно не имеет формального уголовно-процессуального статуса потерпевшего, поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, а наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2004 года № 119-О, от 18 января 2005 года № 131-О, от 24 ноября 2005 года № 431-О и от 17 ноября 2011 года № 1555-О-О).

2.1. По смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, нарушение права на судебную защиту, исходя из его природы, возможно лишь со стороны государства как субъекта, призванного гарантировать и обеспечивать его реализацию посредством установления конкретных процедур, включая установление системы мер, позволяющих в своей совокупности организовать и обеспечить доступ к правосудию и судебную защиту. Эта система мер определяется положениями законодательства Российской Федерации, а также международными обязательствами Российской Федерации, в том числе вытекающими из Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ее статьи 13 о праве каждого на эффективное средство правовой защиты, которому корреспондирует обязанность государства обеспечить соответствующие правовые инструменты, гарантирующие эффективную защиту в случае нарушения признанных в Конвенции прав и свобод. При этом, по смыслу данной статьи, установление соответствующих механизмов

в национальном законодательстве должно предусматривать такой же уровень правовой защиты, как и при обращении в межгосударственные органы по защите прав человека, в частности в Европейский Суд по правам человека (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2008 года № 734-О-П).

Аналогичной позиции придерживается и Европейский Суд по правам человека, указывая на обязанность государства – в силу требований статьи 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей эффективные средства правовой защиты в государственном органе в связи с предполагаемым нарушением требований пункта 1 статьи 6 данной Конвенции о рассмотрении дела в разумный срок, – предоставить внутригосударственные средства правовой защиты, позволяющие рассмотреть по существу «обоснованную жалобу» на нарушение Конвенции и предоставить соответствующую компенсацию (постановление от 25 февраля 2010 года по делу «Казюлин против России»).

В целях улучшения внутренних средств правовой защиты Комитет Министров Совета Европы в пункте 13 приложения к рекомендации от 12 мая 2004 года Rec (2004) 6 «О повышении эффективности внутренних средств правовой защиты» рекомендовал государству-ответчику обеспечить потенциальным заявителям эффективные средства правовой защиты, позволяющие им обратиться в компетентный национальный орган власти; быстрые и эффективные средства правовой защиты должны позволить им получить возмещение на государственном уровне в соответствии с принципом субсидиарности конвенционной системы.

Европейский Суд по правам человека считает, что статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не предоставляет потерпевшему от преступления права на «личную месть» или на *actio popularis* – право осуществлять публичное уголовное преследование преступника, включающее возбуждение уголовного разбирательства, преследование третьих лиц и назначение наказания за преступление (постановления от 12 февраля 2004 года по делу «Перес (Perez) против Франции», от 12 декабря

2006 года по делу «Байрами (Bajrami) против Албании» и от 7 января 2010 года по делу «Ранцев против Республики Кипр и России»). При этом данный суд оценивает соблюдение прав потерпевшего от преступления с точки зрения, в частности, проведения эффективного расследования преступления соответствующими государственными органами: как указано в ряде его актов, обязательство расследовать – это не обязательство получить результат, а обязательство принять меры; не каждое расследование непременно должно быть успешным или привести к результатам, подтверждающим изложенные заявителем факты, однако оно должно в принципе вести к выяснению обстоятельств дела и, если жалоба оказалась обоснованной, к установлению и наказанию виновных; таким образом, исследование заслуживающих внимания сведений должно быть тщательным; это означает, что власти должны в каждом случае предпринимать серьезную попытку установить, что произошло, не используя поспешные или необоснованные выводы с целью прекращения расследования; они должны принимать все разумные и доступные им меры для обеспечения доказательств относительно инцидента (постановление от 24 июля 2008 года по делу «Владимир Романов против России»; решение от 11 октября 2011 года по жалобе № 11680/03 «Алоян и Надрян против России»).

3. В целях реализации вытекающей из Конституции Российской Федерации (статья 46, части 1 и 3) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод обязанности Российской Федерации по обеспечению права каждого на справедливое судебное разбирательство его дела в разумный срок и исходя из необходимости создать надлежащие условия для осуществления права каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, а также прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на охрану их прав законом, на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статьи 52 и 53 Конституции Российской Федерации), Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на

исполнение судебного акта в разумный срок» предусмотрел вспомогательный к общегражданскому порядку возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов, механизм защиты прав на судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство в виде присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в качестве внутригосударственного средства правовой защиты от предположительно имевшего место нарушения требований Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Конституции Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2011 года № 17-П).

При этом вспомогательная юридическая природа механизма компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок не освобождает государство от обязанности обеспечить такую компенсацию, если нарушено право на судопроизводство при рассмотрении требований потерпевшего, связанных с защитой его гражданских (в том числе имущественных) прав, которые должны были быть обеспечены в уголовном судопроизводстве, имеющем своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в том числе путем заявления ими требований о компенсации причиненного вреда (пункт 1 части первой статьи 6 и часть первая статьи 42 УПК Российской Федерации).

В соответствии с Федеральным законом «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» потерпевшие при нарушении их права на судопроизводство в разумный срок могут обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за такое нарушение в порядке, установленном данным Федеральным законом и процессуальным законодательством Российской Федерации (часть 1 статьи 1); присуждение компенсации не зависит от наличия либо отсутствия вины суда, органов уголовного преследования (часть 3 статьи 1) и не препятствует возмещению вреда в

соответствии со статьями 1069, 1070 ГК Российской Федерации (часть 4 статьи 1).

Как следует из представленных материалов, требования заявителя о возбуждении уголовного дела в отношении судебного пристава-исполнителя были фактически направлены на понуждение его к обеспечению исполнения ранее вынесенного судебного решения по взысканию с должника по исполнительному листу, по которому он был взыскателем, и не касались защиты имущественных прав потерпевшего в уголовном процессе (возмещения по гражданскому иску причиненного преступлением вреда), что не позволяет рассматривать оспариваемое положение части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» как нарушающее конституционные права заявителя в его конкретном деле.

Проверка же законности и обоснованности вынесенных по делу заявителя судебных решений, требующая исследования фактических обстоятельств данного дела, а также правильности выбора подлежащих применению норм не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу гражданина Тищенко Константина Михайловича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного в ней вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального

конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1258-О